

Новая Польша 5/2005

0: ПОЛЬША В СЛЕЗАХ

- Лех Валенса: "Без Святейшего отца, без его слова в Польше царили застой, отчаяние и безнадежность. Никто не верил, что все может быть иначе. Когда Иоанн Павел II приехал к нам в 1979 г., он засеял слово свободы, которое стало плотью уже на следующий год. Он разбудил нас, поляков, и мы поверили его слову, поверили, что есть надежда на перемены. Так родился август 80-го, так родилась „Солидарность“, изменившая лицо Европы. Это заслуга Иоанна Павла II". ("Жечпосполита", 2-3 апр.)
- Президент Александр Квасневский: "Ушел великий Папа, наш самый выдающийся соотечественник. Польша и поляки в особенном долгу перед Иоанном Павлом II. Без Папы не было бы польской свободы". ("Жечпосполита", 4 апр.)
- Михаил Горбачев: "Умер великий гуманист. Без его участия берлинская стена никогда бы не рухнула". ("Жечпосполита", 4 апр.)
- Президент Джордж У. Буш: "Мы благодарим Бога за то, что Он послал такого человека, сына Польши, который стал епископом Рима и героем на века. С его кончиной мир потерял защитника свободы". ("Жечпосполита", 4 апр.)
- Президент Виктор Ющенко: "Это святой человек, великая гордость поляков. Но в нем текла и капля украинской крови, а свою жизнь, свои труды он связал и с Украиной. Наши отцы не знали столь великого представителя славянских народов". ("Газета wyborcza", 4 апр.)
- Александр Солженицын: "Иоанн Павел II повлиял на ход всей мировой истории. Уникальность польского Папы состоит в том, что его популярность отвечает тому колоссальному вкладу, который он внес в церковные дела и в ход всей истории человечества. России это касается напрямую, ибо роль Папы в свержении коммунистической системы была огромна". ("Жечпосполита", 9-10 апр.)
- Главный раввин Польши Михаэль Шудрих: "За последние две тысячи лет никто не сделал для иудейско-католического диалога и примирения столько, сколько Иоанн Павел II. Он научил нас, что значит любить всех людей, все творения Божие (...) Он показал нам, как жить и даже - как умирать. Мир лишился великого морального авторитета, своего нравственного компаса. Польша потеряла величайшего учителя и героя. Евреи потеряли своего лучшего друга и защитника". ("Тыгодник повсехный", 10 апр.)
- "В репортаже из Москвы после смерти Иоанна Павла II корреспондент сказал, что, по мнению патриарха Русской Православной Церкви Алексия II, только теперь могут возникнуть условия для диалога с католической Церковью. Эти слова настолько шокируют, что трудно в них поверить (...) Сейчас заплаканная Польша не обращает внимания на российскую бестактность и комплексы. Она прощается со своим покровителем, духовным предводителем, Святейшим отцом..." (Ян Петшак, "Газета польска", 6 апр.)
- "Приспущены флаги, отменены культурные мероприятия, изменены программы телевидения. Каждый день в 7.45 утра бьет вавельский колокол Зигмунта. Общенациональный траур будет продолжаться до дня похорон Папы (...) Кинотеатры отменили сеансы, а театры - спектакли. По всей Польше открыты книги соболезнований (...) В воскресный полдень в Варшаве завывали сирены. На три минуты стали машины и автобусы, остановились пешеходы. Люди взялись за руки, некоторые плакали (...) Над посольствами, консульствами и резиденциями послов были приспущены флаги. Флаг не приспустило лишь посольство Российской Федерации". ("Газета wyborcza", 4 апр.)
- "Больше всего народу пришло на литургию в Кракове и в Варшаве (...) Более 100 тысяч человек - до сих пор такие толпы собирались на варшавской площади [Пилсудского] только когда литургию там служил сам Папа во время своих апостольских визитов. Не все уместились вокруг могилы Неизвестного солдата. До краев были заполнены прилегающие улицы и половина Саксонского парка". ("Жечпосполита", 4 апр.)
- "Власти многих польских городов объявили пятницу [день похорон Папы] выходным днем (...) На следующую неделю перенесены (...) заседания Сейма и Сената (...) Каждый день (вплоть до пятницы) в 12 часов в Варшаве будут включаться сирены. Вой сирен будет сопровождать также начало похоронной церемонии в Ватикане. Во

многих населенных пунктах в 21.37 (в это время умер Иоанн Павел II) будут всю неделю бить колокола. Местные власти и общественность организуют „белые марши" в знак благодарности за понтификат (...) Польский футбольный союз отменил матчи всех уровней вплоть до особого распоряжения (...) Отменено также большинство концертов и других культурных мероприятий". ("Жечпосполита", 5 апр.)

- "Иоанн Павел II Великий (...) „Почему Великий?" - спрашиваю я владельца газетного киоска неподалеку от Ватикана. „Потому что это прилагательное, в котором каждый находит то, что хочет сказать об этом Папе", - отвечает тот. „Потому что даже китайцы прислали письмо с соболезнованиями", - добавляет таксист. „Даже Фидель Кастро", - говорит комментатор государственного телевидения. „Потому что он разрушил берлинскую стену и соединил Восток с Западом", - объясняет Орацио Петросилло из газеты "Мессаджеро". (Ярослав Миколаевский, "Газета wyborcza", 5 апр.)

- "Вчера на здании посольства Российской Федерации в Варшаве был приспущен флаг (...) Российское посольство было единственным в Варшаве дипломатическим представительством, не почтившим смерть Иоанна Павла II. Однако вчера около полудня флаг был приспущен, причем не только на здании посольства в Варшаве, но и на российских консульствах в Гданьске, Познани и Кракове". ("Газета wyborcza", 5 апр.)

- "В пятницу 8 апреля не будут работать министерства, а также центральные, воеводские и другие правительственные учреждения (...) Совет министров призвал всех предпринимателей позволить своим подчиненным в ближайшую пятницу „достойно почтить память нашего величайшего соотечественника" и „вместе попрощаться с ним". С аналогичным призывом правительство обратилось к начальству служащих, солдат, школьников и студентов". ("Жечпосполита", 6 апр.)

- "Торговые центры единогласно приняли решение не работать в день похорон Папы Иоанна Павла II". ("Жечпосполита", 6 апр.)

- "Вчера на общенациональную заупокойную мессу пришли почти 250 тыс. человек. С самого утра на площадь Пилсудского стекались люди со всей Польши. Первые из них появились уже в 7 утра. Они приносили свечи и цветы, из которых на земле был уложен крест, обращенный к могиле Неизвестного солдата (...) В 1979 г. на этой самой площади Папа произнес достопамятные слова: „Да снизойдет Дух Твой и обновит лицо земли! Этой земли!" В мессе участвовали президент, премьер-министр, маршалы Сейма и Сената, члены Епископата, апостольский нунций и дипломатический корпус (...) Над площадью развевались сотни украшенных траурными лентами флагов Польши и Ватикана, военных и харцерских [скаутских] знамен. Вместе молились обычно враждующие между собой болельщики варшавских [спортивных] клубов „Легия" и „Полония"".

("Жечпосполита", 6 апр.)

- Подпись под фотографией: "Одна из самых длинных улиц Варшавы, четырехкилометровая аллея Иоанна Павла II озарилась светом тысяч лампадок. Тысячи людей пришли сюда, чтобы символически попрощаться с Папой. Они зажигали лампадки на газонах, тротуарах, остановках, в окнах домов. Около 21.30 людей было уже так много, что они не помещались на тротуарах и блокировали проезжую часть. В тишине они сосредоточенно ожидали наступления 21.37 - часа, когда умер Папа. На снимке - столб с названием улицы, украшенный цветочниками из Мировских торговых рядов". ("Газета wyborcza", 8 апр.)

- "Весь Краков оделся в белое (...) Во вчерашнем „Белом марше благодарности" приняли участие почти полмиллиона человек (...) Вечером на молебне, отслуженном на Блонях [огромный луг почти в самом центре города], их было уже больше миллиона (...) Свои национальные флаги и фотографии Папы, жмущего руку Ясиру Арафату, несли палестинцы. Группу из 50 студентов и предпринимателей вел Омар Фарис, председатель краковского Общества польско-палестинской дружбы. „Для нас Папа - это свет. Он хотел мира между религиями и народами", - говорил Фарис (...) Были и цыгане (...) Комментировавший события в Кракове корреспондент немецкого телевидения ARD Робин Лаутенбах стоял и качал головой: „Невероятное впечатление. Неудивительно, что у вас говорят о поколении Иоанна Павла II" (...) О Святейшем отце напоминало стоящее за алтарем пустое кресло, на котором он сидел во время приездов в Краков". (Войцех Пелевский и Ивона Хайнош, "Газета wyborcza", 8 апр.)

- Председатель Конференции Епископата Польши архиепископ Юзеф Михалик поблагодарил соотечественников за "поразительное свидетельство", которое столица и вся Польша дали после смерти Иоанна Павла II. "То, как мир и наша родина переживают в эти дни болезнь и смерть Иоанна Павла II, говорит всем нам, что стоит надеяться, стоит любить людей, что человек и сегодня безошибочно распознает [добро], умеет быть благодарным и отвечать любовью на любовь", - сказал архиепископ. ("Жечпосполита", 6 апр.)

- "В 10 часов, когда в Риме начнется похоронная церемония, во многих городах будут бить колокола. Благодаря большим экранам поляки смогут участвовать в ватиканском богослужении". ("Газета wyborcza", 7 апр.)
- "Польская официальная делегация, направляющаяся в Рим, состоит из десяти человек (...) Польшу будут представлять президент Александр Квасневский с супругой, премьер-министр Марек Белька, маршал Сейма Влодзимеж Циомшевич, маршал Сената Лонгин Пастусяк, бывший президент Лех Валенса с супругой, бывший премьер-министр Тадеуш Мазовецкий, бывший маршал Сейма Веслав Хшановский и бывший премьер-министр, ныне посол Польши в Ватикане Ханна Сухоцкая". ("Газета wyborcza", 7 апр.)
- "Два вторых лица на похоронах. Путин не едет в Ватикан. Россию на похоронах Святейшего отца будет представлять премьер-министр Михаил Фрадков, а Русскую Православную Церковь - митрополит Кирилл, второе лицо после патриарха. Почему на церемонию не едет сам Владимир Путин - ведь большинство других государств представлено на высшем уровне?" ("Жечпосполита", 7-8 апр.)
- "Это была необычная сессия парламента - она прошла в темноте и в полном молчании. Председательствовали маршалы Сейма и Сената, а кроме них выступал только... Иоанн Павел II. На сессию прибыли президент, премьер-министр, дипломатический корпус, представители Церквей, а также судов и других конституционных органов (...) Под мемориальными досками, увековечившими визит Иоанна Павла II в польский парламент в 1999 г., горели свечи и лежали цветы (...) На украшенном цветами возвышении стояло обвитое траурной лентой кресло, на котором Иоанн Павел II сидел в 1999 году. Кроме портрета Папы, это было единственное освещенное место в зале заседаний. В кулуарах Сейма стояли корзинки с белыми и черными ленточками, которые парламентарии прикалывали на грудь в знак траура. Депутаты и сенаторы в темноте просмотрели видеозапись исторического выступления Иоанна Павла II в польском парламенте. Затем маршал Сейма Влодзимеж Циомшевич прочел текст резолюции, которую собравшиеся в молчании приняли". (Элиза Ольчик, "Жечпосполита", 7-8 апр.)
- Из резолюции "Акт увековечения памяти Святейшего отца Иоанна Павла II Сеймом и Сенатом Республики Польша": "Он учил нас, как непоколебимо хранить свою веру и в то же время испытывать глубокое уважение к приверженцам других религий и неверующим. Он учил нас, как не отречься от принадлежности и любви к своему народу и в то же время открывать свое сердце другим народам (...) Иоанн Павел II никого не считал своим врагом, хотя были и такие, кто считал врагом его (...) Его учение о праве нашей отчизны на свободу среди европейских народов, о ее праве на любовь и солидарность, его практическая защита прав нашего народа сделали Иоанна Павла II величайшим отцом польской независимости". ("Газета wyborcza", 7 апр.)
- "Папа повсюду. Трудно найти даже спортивные новости или прогноз погоды без него. Мирящиеся болельщики, рассказ Папы о плавании по Эльблонгскому каналу, журналистка, говорящая, что Папа послал нам хорошую погоду. На канале „Польсат“ идет фильм, но в углу надпись: „Польша в трауре“. Когда на этой неделе человек пытается поймать любимую радиостанцию, у него возникают трудности: все программы сделались похожими друг на друга, везде звучит один и тот же голос Папы (...) С телевидения, радио и из газет исчезли политики. Они не комментируют смерть Папы, хотя до сих пор комментировали практически все, что происходило в Польше (...) Теперь на радио и телевидении появились т.н. рядовые люди. Они звонят и говорят об услышанном, вспоминают свои встречи с Папой, даже если он стоял в двухстах метрах от них. Что характерно, они не жалуются. Они восхищены журналистами, программами, душевной атмосферой на улицах (...) „Что с нами происходит?“ - спрашивает журналист. „Дух Святой дышит“, - отвечает его гость". (Эва Милевич, "Газета wyborcza", 8 апр.)
- "В пятницу с раннего утра широкая человеческая река снова заливает Блони (...) По данным полиции, в пятницу на Блони пришло 800 тыс. человек (...) На время похорон закрылись магазины и рестораны. В 10, 11 и 12 часов с башни Мариацкого собора вместо традиционного хейнала полилась скорбная мелодия „Слезы матери“. Целый год оркестр пожарников будет играть эту мелодию в час смерти Святейшего отца. Спустя год и, как обещают пожарники, „до скончания веков“ в 21.37 с Мариацкой башни будет звучать любимая песня Иоанна Павла II - „Лодка"". (Ежи Садецкий, "Жечпосполита", 9-10 апр.)
- "На варшавской площади Пилсудского земля дрожала от грома пушечного салюта. Колокола, сирены и клаксоны были слышны во всех польских городах. Когда гроб с телом Иоанна Павла II вносили в базилику св. Петра, сотни тысяч людей плакали (...) В это время город замер". ("Жечпосполита", 9-10 апр.)
- "Несколько сот человек молились в пятницу вечером за душу Иоанна Павла II в синагоге на Твердой улице в Варшаве. „На похоронах Папы я видел миллионы человек - католиков, евреев, мусульман. Все мы были вместе“, - сказал раввин Михаэль Шудрих, приехавший в синагогу прямо из аэропорта". (Мариуш Ялошевский, "Газета wyborcza", 9-10 апр.)

- "Итальянцы оценивают число паломников в 4-5 млн. человек, в том числе 1-2 млн. поляков. В телефонном разговоре с президентом Александром Квасневским Берлускони подчеркнул, что, несмотря на усилия властей, в городе, на дорогах и в аэропортах возникают все новые трудности". ("Политика", 9 апр.)

- „Валенса разговаривает с Квасневским“, - сообщил нам по телефону сразу же после церемонии возбужденный Ежи Боровчак, один из лидеров „Солидарности“, которого бывший президент взял с собой в Ватикан (...) Валенса и Квасневский пожали друг другу руки еще перед заупокойной мессой (...) „Как тут не сказать, что Святейший отец творит чудеса“, - прокомментировал эту ситуацию Валенса. „Мы оба чувствовали, что этого требует от нас серьезность момента, что это наш долг перед ним, перед Святейшим отцом“, - добавил Александр Квасневский". ("Жечпосполита", 9-10 апр.)

- Данута Валенса: "Мы, современные поляки, обязаны Папе чуть ли не всем (...) Теперь, когда глаза Святейшего отца закрылись, может быть, мы, наконец, откроем наши глаза? (...) Может, начнут приносить плоды все его усилия, все его труды на благо человечества, а особенно на благо поляков? А может, это только моя наивная мечта?" ("Жечпосполита", 9-10 апр.)

- Из завещания Иоанна Павла II: "Как же не охватить благодарным мысленным взором все Епископаты мира, с которыми я встречался в ритме визитов? (...) Как же не вспомнить стольких братьев-христиан не католиков? А раввина Рима? И стольких представителей нехристианских религий? (...) Всем я хочу сказать одно: „Спаси вас Господь“. Иоанн Павел II, Папа". ("Газета wyborcza", 8 апр.)

1: ДИАЛОГ ПИСАТЕЛЕЙ

Письмо Русского ПЕН-Центра Польскому ПЕН-Клубу

Уважаемые коллеги!

Ряд государственных деятелей нашей страны выступили недавно с весьма неожиданными, касающимися российско-польских отношений высказываниями, сразу же добавившими горечи и недоумения к накопившимся за века многим обидам и ошибкам.

И это сейчас, когда время и добрая воля медленно исцеляют давние раны и сглаживают старые шрамы. Сейчас, когда приближается годовщина окончания Второй мировой войны, светлый юбилей завершения нашей общей беды.

Чтобы справиться с бесчеловечным высокомерным врагом, наши страны пережили, казалось бы, невозможное. Домой не вернулись миллионы солдат – мы этого не забываем. Не забываем Освенцим, Майданек и Треблинку. Незаживающей болью было и остается Катынское злодеяние. Наши мученики и герои по-прежнему поднимают восстание в Варшавском гетто и Варшавское восстание. Горят села и города. Горит стираемая с лица земли Варшава. Шесть лет ужаса на Вашей земле и четыре года на нашей – как же странно сознавать, что

начало этому кошмару практически положил чудовищный пакт Риббентропа-Молотова!

Но мы с Вами победили. Несмотря ни на что и вопреки всему у нас получилось. Мы знаем и не забываем это.

Последние год оказался для Вас временем невосполнимых потерь – из жизни ушли достойнейшие сыновья Польши – борец за свободу, человек безупречной чести Яцек Куронь, вдохновленный нобелевский лауреат Чеслав Милош и духовный пастырь миллионов Кароль Войтыла – римский первосвященник Иоанн Павел II.

Над их прахом склоняем головы и мы, а с нами многие и многие наши сограждане. Пример этих благородных, великих личностей не позволяет и нам с Вами забывать о своей ответственности за правду, за честную оценку прошлого и разумный подход к настоящему.

Только в этом случае нашим странам суждено надлежащее

достоинство и величие.

Исполком Русского ПЕН-центра

Дорогие Друзья!

Благодарим Вас за Ваше письмо и слова, столь необходимые сейчас – в невеселые для официальных российско-польских отношений времена. Мы ждали этих слов, не сомневаясь, что они будут сказаны. Благодарим Вас и за то, что почтили память трех ушедших недавно поляков – борца за свободу, поэта и пастыря миллионов.

Вашими устами заговорила с нами Россия многих тысяч порядочных и честных людей. Она обратилась к нам не словами «черного пиара», пропагандистской лжи и провокационных оскорблений. Ее народной традицией не были и не есть преступления тиранов и палачей, сатанинские пакты Риббентропов и Молотовых, катынские рвы и святые монастыри, обращенные в лагеря – места Вашего и нашего мученичества, ибо она – край нелегкой борьбы за достойную жизнь, за правду и свободу слова. В этой борьбе за наши общие идеалы велики заслуги и Российского ПЕН-центра.

Приближается Девятое мая – для трех уже поколений святой день во многих российских семьях, чьи сыновья покоятся и в польской земле. Это не только солдатские могилы, это еще и наследие геноцида – развеянный пепел советских военнопленных, погибших от голода за колючей проволокой гитлеровских лагерей. Пускай же нам и Вам сопутствуют в этот день слова польских поэтов: предостережение Збигнева Герберта не спешить с прощением «от имени тех, кто предан на рассвете» и поразительные стихи Виславы Шимборской о голодном лагере под Яслем. Пусть в нашей памяти «история не округляет скелеты до нуля».

2: ДИАЛОГ ПИСАТЕЛЕЙ

Письмо Русского ПЕН-Центра Польскому ПЕН-Клубу

Уважаемые коллеги!

Ряд государственных деятелей нашей страны выступили недавно с весьма неожиданными, касающимися российско-польских отношений высказываниями, сразу же добавившими горечи и недоумения к накопившимся за века многим обидам и ошибкам.

И это сейчас, когда время и добрая воля медленно исцеляют давние раны и сглаживают старые шрамы. Сейчас, когда приближается годовщина окончания Второй мировой войны, светлый юбилей завершения нашей общей беды.

Чтобы справиться с бесчеловечным высокомерным врагом, наши страны пережили, казалось бы, невозможное. Домой не вернулись миллионы солдат – мы этого не забываем. Не забываем Освенцим, Майданек и Треблинку. Незаживающей болью было и остается Катынское злодеяние. Наши мученики и герои по-прежнему поднимают восстание в Варшавском гетто и Варшавское восстание. Горят села и города. Горит стираемая с лица земли Варшава. Шесть лет ужаса на Вашей земле и четыре года на нашей – как же странно сознавать, что

начало этому кошмару практически положил чудовищный пакт Риббентропа-Молотова!

Но мы с Вами победили. Несмотря ни на что и вопреки всему у нас получилось. Мы знаем и не забываем это.

Последние год оказался для Вас временем невосполнимых потерь – из жизни ушли достойнейшие сыновья Польши – борец за свободу, человек безупречной чести Яцек Куронь, вдохновленный нобелевский лауреат Чеслав Милош и духовный пастырь миллионов Кароль Войтыла – римский первосвященник Иоанн Павел II.

Над их прахом склоняем головы и мы, а с нами многие и многие наши сограждане. Пример этих благородных, великих личностей не позволяет и нам с Вами забывать о своей ответственности за правду, за честную оценку прошлого и разумный подход к настоящему.

Только в этом случае нашим странам суждено надлежащее

достоинство и величие.

Исполком Русского ПЕН-центра

Дорогие Друзья!

Благодарим Вас за Ваше письмо и слова, столь необходимые сейчас – в невеселые для официальных российско-польских отношений времена. Мы ждали этих слов, не сомневаясь, что они будут сказаны. Благодарим Вас и за то, что почтили память трех ушедших недавно поляков – борца за свободу, поэта и пастыря миллионов.

Вашими устами заговорила с нами Россия многих тысяч порядочных и честных людей. Она обратилась к нам не словами «черного пиара», пропагандистской лжи и провокационных оскорблений. Ее народной традицией не были и не есть преступления тиранов и палачей, сатанинские пакты Риббентропов и Молотовых, катынские рвы и святые монастыри, обращенные в лагеря – места Вашего и нашего мученичества, ибо она – край нелегкой борьбы за достойную жизнь, за правду и свободу слова. В этой борьбе за наши общие идеалы велики заслуги и Российского ПЕН-центра.

Приближается Девятое мая – для трех уже поколений святой день во многих российских семьях, чьи сыновья покоятся и в польской земле. Это не только солдатские могилы, это еще и наследие геноцида – развеянный пепел советских военнопленных, погибших от голода за колючей проволокой гитлеровских лагерей. Пускай же нам и Вам сопутствуют в этот день слова польских поэтов: предостережение Збигнева Герберта не спешить с прощением «от имени тех, кто предан на рассвете» и поразительные стихи Виславы Шимборской о голодном лагере под Яслем. Пусть в нашей памяти «история не округляет скелеты до нуля».

3: ПИСЬМА КАК ПРИКОСНОВЕНИЕ

В июле 1955 г., в летнем лагере харцерской дружины им. генерала Вальтера, Яцек Куронь познакомился с Гражиной Боруцкой. «...Я-то и придумал ей имя Гая — и вместе с ней началась настоящая жизнь. Она сделала мою жизнь осмысленной, сделала меня чего-то стоящим, сделала меня тем, кем я стал. Чего бы я без нее стоил? А ведь когда я с ней познакомился, ей было 15 лет, а мне — 21» (Яцек Куронь, «Вера и вина», Варшава, 1990). В 1959 г. они поженились, а в 1960-м у них родился сын Мацей.

Яцек Куронь (Вроцлав, воинская часть, март 1961):

...Всегда, всегда вся жизнь перед нами. Можно же прожить за год сто лет и за сто лет не пережить ничего. К тому же, вопреки видимости, это никогда не зависит от того, сколько тянется время, а от того, как быстро живешь. Так какое же у нас было прошлое? Ты дала мне настоящее счастье — богатое, мудрое, большое. Думаю, что даже если бы у нас за спиной не было ничего, кроме нашей любви, то и так это была бы прекрасная и богатая жизнь. С другой стороны, если бы не было ничего, кроме нашей любви, то наша любовь не была бы такой изумительной. (...)

Перед нами много лет. Трудных лет, прекрасных лет. Мы будем много, очень много работать друг для друга, для Мачека, для людей (это все одно и то же). Будем очень счастливы, хотя, наверное, иногда нам будет плохо.

В марте 1965 г. Яцек Куронь и Кароль Модзелевский написали «Открытое письмо членам ПОРП». 20 марта оба были арестованы.

Яцек (Варшава, следственная тюрьма ГБ на Раковецкой, 21 марта 1965):

Маленькая, вот и первое письмо. Сегодня 21 марта, воскресенье — здесь день писания писем. Как здесь? Ну, трудно сказать, что хорошо, но во всяком случае жить можно. Ем (за счет государства), сплю (в государственной постели), курю (у соседей по камере есть курево), ну и, конечно, веду очень милые беседы с государственными служащими. Давай рассматривать эту историю как мой отпуск. (...)

Может, скажешь Мачеку, что я в армии? Он, впрочем, наверно вовсе и не удивляется, что папы нет. Обещаю после возвращения рассказать ему длинную и очень интересную историю о дальних странствиях.

Гая (23 мая 1965):

Как никогда раньше мучает меня, что пишу не только тебе и что не знаю, когда ты получишь это письмо. Это, конечно, лишь минутное настроение и ни в коем случае не свидетельствует о том, что я хоть как-то сломилась.

Функционирую совершенно нормально и, разумеется, в соответствии с указанием не жду, и время как-то проходит.

Яцек (23 мая 1965):

Вся эта история затягивается надолго, и нам придется еще подождать друг друга. Да что там — самое главное, что мы твердо знаем, что друг другаждемся. Обедать можно ждать час, поезда — неделю, денег — до первого... (И никогда не знаешь, стоит ли все это чего-нибудь.) Тебя я готов ждать много лет и твердо знаю, что стоит. (...) Ну а ты? Насколько правдивы твои письма? Ты в них мужественная, владеющая собой, улыбающаяся. Знаю, такая — это тоже ты, но что еще?

Гая (7 июня 1965):

Яцек, тяжело, очень тяжело без тебя, но хорошо. Я не хотела бы, чтобы было иначе, потому что надо ведь чувствовать себя человеком, чтобы быть счастливым. И мы, пожалуй, выбрали правильно, без уловок, и для нас обоих это будет какая-то победа. (...) Дождемся же мы конца этого дела, а потом разных других дел и будем обогащаться жизненными переживаниями и общими решениями. Лишь бы они всегда были честными — боюсь и подумать, что могло бы быть иначе.

Яцек (27 июня 1965):

Мы научились делиться заботами и решениями, и это хорошо, прекрасно. (...) То, что ты мне написала — страшно мудрая мысль: чтобы быть счастливым, сначала надо быть человеком. Очень часто думаю так же, как и ты, о наших будущих решениях. Верю, что они всегда будут честными. Хотя и отдаю себе отчет в том, что сегодня очень трудно брать на себя такие обязательства на завтра и послезавтра. Знаю, что когда это пройдет, мы станем богаче, и даже думаю, что мы уже богаче.

19 июля Яцек Куронь был приговорен к трем, а Кароль Модзелевский — к трем с половиной годам тюрьмы.

Яцек (8 августа 1965):

У меня тридцать лет интересной жизни позади и по крайней мере еще столько же не менее интересной жизни впереди. (...) Заметь, как сильно ты наполняешь мою жизнь: всякое дело, которое представляет в нем какую-то ценность, связано прежде всего с тобой. Это, пожалуй, и есть рецепт любви. Но я в этой области проклятый эгоист: не умею огорчаться, что так мало людей находят этот рецепт, а только все больше радуюсь, что мы его нашли.

Гая (5 октября 1965):

Все-таки за нами уже немалый кусок времени, а у меня постоянно такое чувство, что мы расстались недавно и перед нами только кусочек самостоятельного (но не одинокого) странствия. Если и для тебя, мой милый, то время, что у нас позади, минуло быстро, то очень хорошо. Знаю, что ты занят почти неустанно и, что важно, продуктивно, и если я только могу себе позволить мрачные мысли, то, в конце концов, на основе стереотипа о том, что тюрьма — это как-никак не особое удовольствие. Совершенно не беспокоюсь о тебе в этом контексте — ну, может, только чуточку.

Яцек (5 октября 1965):

Где-то в одном из первых писем ты употребила оборот «наше дело», и я понял, что мы по-прежнему вместе, что ты каким-то образом со мной в тюрьме, а я с тобой (по ту сторону стены). (...) Ведь это ты «твердая», ты моя сила. Сегодня больше чем когда бы то ни было я знаю, что — войду ли я на свой «Mount» или нет — мои величайшим достижением останешься ты.

Яцек (10 октября 1965):

...всем заинтересованным объясни, что свобода — это прежде всего свобода «для», а не «от», а в связи с этим я-то и есть свободней, чем они.

Яцек (24 октября 1965):

Жутко тосковал по обычному городскому движению, толкучке в трамваях, ссорам пассажиров, брани водителей, по тому, чтобы открывать каждый день новых людей и созерцать восходы солнца после проведенной за

разговорами ночи, по запаху соснового дерева из костра, усталости ног от ходьбы и спины от рюкзака. По вкусу первой сигареты, выкуриваемой на пустой желудок на рассвете на грязном вокзале чужого города. Такая метафизическая тоска по жизни вообще, то есть, пожалуй, по неустанной погоне за вкусом жизни.

Гая (14 ноября 1965):

Милый мой! Сегодня 14 ноября — годовщина наших первых контактов с государством (чтобы не писать с аппаратом подавления). Прекрасно помню ночь, которую мы провели не дома, и мысли, мучившие меня тогда. Я прекрасно отдавала себе отчет в том, что прогресс не состоится без тех, кто решится сделать шаг вперед (невзирая на последствия), и в то же время меня не оставляла надежда, что в нашем случае будет иначе. (Сегодня могу сказать, что это «иначе» означало «легче».) Стыжусь ли я этого? Знаешь, пожалуй, нет. Мой ответ вытекает из того, что теперь, когда сложились обстоятельства, которых я так боялась год назад, я ни на минуту не оцениваю их как трагедию, зато есть всякие другие, о которых я думаю со страхом. Больше всего, таким страхом со дна души, боюсь, что мы могли бы когда-нибудь больше не встретиться. Но это страх нереальный, до такой степени нереальный, что функционирует как своя противоположность — радость от того, что мы обязательно встретимся и снова сможем быть вместе.

Яцек (26 декабря 1965):

Здравствуй, моя маленькая! Это письмо должно быть деньрожденьишным. Тебе ведь 2 января исполняется 26 лет. (...) желать чего-то тебе — это и себе желать, так что, пожалуй, я тебя только поблагодарю. (...) Ты, наверное, помнишь, кто-то сказал, что по-настоящему любить — это значит прекрасно требовать, и всегда все больше и больше. Ты это умеешь. Если я теперь живу в хорошем настроении, даже удовлетворенный, то все потому, что работаю. А ведь это ты мне велела работать, объяснила мне, что попросту выжить — это еще совершенно ничего не значит. Спасибо тебе за это.

А кроме требований было еще то, что ты думала и говорила обо мне. Все это было, видишь, на вырост, всегда немного выше меня, хотя и никогда — выше моих возможностей. И я всегда старался быть по мерке твоих представлений, стоял на ушах, чтобы тебя не подвести. (...) Весь мой мир, эти принципиальные ценности и ценности мимолетные, преходящие и неповторимые. Всё это — ты. (...) И за это я особенно хочу тебя поблагодарить, а еще за то, что мы любим одни и те же стихи, и одинаково чувствуем запах сирени, и одинаково чувствуем сильный ветер и осенний дождь.

Гая (28 мая 1966):

Я вспомнила, с какой глупой гусыней ты имел дело десять лет назад, и не могу опомниться от восхищения, как ты с ней выдержал столько лет. Помню, я была соплячка и компрометировала уважающего себя студента. Несомненно, ты проявил воспитательный талант, но еще и самоотречение не в пример рядовому смертному. О Боже, какая гусиная кожа у меня появляется при воспоминании о твоих мучениях, и не пытайся отрицать.

Яцек (тюрьма в Потулицах, 21 августа 1966):

Ты пишешь: «какая я была бы гусыня, если бы не ты» (т.е. я). Наверное, правда, что благодаря мне ты умнела, но отдаешь ли ты себе отчет в том, что это было обоюдным, что я в Волине был ограниченным и самонадеянным? Теперь я тоже наверняка не мудрец, хотя вместе с тобой — кто знает. Моя ценность росла благодаря тебе и ради тебя. А какая ты была в Волине? Красивая, и по-человечески умная, и чуткая к человеческому несчастью, и еще с сиянием в глазах. В такую девушку я влюбился и люблю все больше. (...)

Я ограничен форматом и полями, так что должен считать каждое слово. Но и твой черед наступил: здешние власти очень просят, чтобы ты писала крупными буквами и делала побольше пробелы между строчками.

Яцек (25 декабря 1966):

Письмо кончается, и это был не такой разговор, которого мы ждем. И хотя я знаю, что среди нас есть бдительные аналитики, но не чувствую себя униженным, совсем наоборот, должен взвешивать свои (...) слова, тяжело. Но ведь и этими убогими словами я пересылаю тебе кусочек себя, и сквозь эту шероховатость ты меня понимаешь. Так, как я тебя, в каждой детали.

Гая (10 апреля 1967):

Осталось нам 11 месяцев и 9 дней, что означает 11 свиданий и вдвое больше писем, и думаю, что мне особенно помогает то, что каждый месяц: апрель, май, июнь — будет последним апрелем, маем, июнем...

В мае 1967 г. Яцек Куронь был условно-досрочно освобожден. В июне 1976 г., после того как началась акция помощи репрессированным рабочим и был создан Комитет защиты рабочих (КОР), Яцек был призван в армию — в часть войск внутренней обороны, расположенную в Белостоке. Обучение проходил как рядовой — звания младшего лейтенанта его лишили.

В мае 1977 г., после акции протеста против убийства краковского студента Станислава Пыяса, сотрудника КОРа, Яцек Куронь был арестован вместе с другими членами КОРа. В это время Гая сама руководила действовавшим с самого начала в их квартире «бюро» КОРа.

Яцек (Варшава, следственная тюрьма на Раковецкой):

Здравствуй, моя маленькая, хорошенькая девочка. Снова письма издалека, армия, тюрьма, тюрьма, и это, должно быть, та судьба, которую я себе выбрал. Ну ладно, себе выбрал, но тебе — почему? (...) За ту неделю, что прошла, я понял, обдумал и теперь уже твердо знаю, что я только твоя половина и попросту не умею без тебя жить.

Не перепугайся только. Я эту тюрьму переживу — достойно и хорошо. У меня с этой точки зрения уже сложилась неплохая рутина, а это просто вопрос рутины и ничего больше. Так что я переживу невзирая на то, как долго это получится. Однако из того убеждения, о котором я говорю в этом письме, вытекает лишь один вывод, и на этот раз я не колеблясь сам его извлекаю: мне нельзя, ни в коем случае нельзя делать что бы то ни было, что может меня от тебя отделить. Вот и вся мудрость. Как это случилось, что я ее раньше не придумал? (...) Когда вернусь, разлуки кончатся раз и навсегда. Не хочу, не хочу, и всё тут. Так выглядит мое решение.

Яцек (26 июня 1977):

Труднее всего вначале, потому что тогда каждое движение, действие, мысль отсылают к жизни, которая идет за воротами, а тоска — постоянно хищная, жаждущая крови. Ритм проходящих дней и недель смягчает напряжение. Надо только как можно быстрее отказаться от ожидания или, иначе, от близкой перспективы. Труднее всего именно этот отказ. Все в тебе жаждет надежды. Жажда надежды так сильна, что на вид здравый разум способен раздувать самые малые искорки и вот-вот готов радоваться тому, что ты выходишь. (...) Но это продолжается очень коротко. Вскоре эйфория превращается в муки ожидания. Камера становится залом ожидания, а время пухнет и вздувается. (...) Поэтому надо сразу, в самом начале, перспективу свободы взять в скобки. Известно, что выйду, и даже в самом худшем раскладе, в дающей себя увидеть перспективе, но не теперь. Теперь же я должен жить тут и на этой жизни сосредоточиться.

Яцек (10 июля 1977):

В последнее время меня мучит вопрос ненависти, неприязни, зависти или как там еще назвать злобу на людей. Этот заложенный в нас заряд недобрых чувств, которые отбивают сон или, еще точнее, калечат. Ибо носить в себе злобу на человека — то же самое, что быть искалеченным ненавистью. (...) Мысль о том, что кто-то, кто угодно, может быть попросту таким злым, как другие бывают веселыми, меланхоличными, робкими, умелыми... — такая мысль кажется мне со всех точек зрения отвратительной, грязной. Только затем придуманная, чтобы избавить себя от ответственности за то зло, которое мы делаем.

Однако со страхом, жутким страхом, я открываю это зло в себе. Не то что во мне внезапно пробуждается напряженная, ожесточенная вражда к кому-то. Так бывало уже не раз. Хуже всего и, пожалуй, во мне совершенно ново то, что я не хочу, попросту не хочу этого кого-то защищать, объяснять, растолковывать. (...)

В этот момент уже надо поднять вопрос о мести. О чувстве мести, ибо это прежде всего чувство, а только потом — поступок, освященный нашей культурой. (...) месть отвратительна, это зло зла. Я говорил и не раз писал, что зло не имеет самосущего бытия, потому что никто, если говорить всерьез, не хочет делать зло ради него самого. Люди слушали, читали и очень легко соглашались со мной. И только теперь я вижу, что это неправда, потому что как раз месть — зло самосущее. Ибо она основана на удовлетворении желания делать зло, она не служит никаким благим намерениям.

Гая (16 июля 1977):

...Боюсь уехать, потому что совершенно не могу себе представить, что было бы, если б тебя выпустили, а я узнала бы об этом через несколько часов или дней. Я же завидовала бы всем, кого ты раньше увидел и кто тебя мог увидеть раньше, — наверное, умерла бы от адской зависти.

Яцек (17 июля 1977):

Черед надежде. Потому что никогда нет такого мрака, чтобы в нем не было искорки надежды. (...) Люди, которых я люблю, которым верю и которые существуют независимо от всякого воображения, пустоты, нажима... Ты есть, и благодаря тебе есть моя любовь. (...) Благодаря тебе эта любовь — наша и может охватить многих-многих других, очень близких и дальних.

Раз ты есть, значит, есть и другие люди, есть их лояльность, отвага, добросовестность, доброжелательность. На этом человеческом фундаменте построены Добро, Правда, Справедливость. Они не зависят ни от какой фата-морганы. Они трансцендентны — в том смысле, что не утрачивают своего бытия из-за того, что мы делаем зло, лжем и бываем несправедливы. Однако они человеческие, совершенно человеческие, так как своим бытием обязаны тому, что хоть редко, хоть в мелочах, но мы встречаем людей, делающих добро, говорящих правду, справедливых, и хотим им подражать, и иногда, иногда нам это удается.

Яцека Куроня и других арестованных членов и сотрудников КОРа освободили в июле 1977 г. по амнистии. Во время забастовки на Гданьской судовой верфи, 20 августа 1980 г., он снова был арестован, затем освобожден в результате соглашения забастовочного комитета с властями от 31 августа. В ночь на 13 декабря 1981 г., в момент введения военного положения, он был интернирован; в тот же день интернировали сына Куроней. Тремя днями позже была интернирована и Гая.

Яцек (Стшебелинек, 15 декабря 1981):

Опять письмо из тюрьмы — наша жизнь на войне. На этот раз я, правда, интернирован, но никто не знает, что это значит, лучше и не пытаться. Как обычно, когда я сюда попадаю, начинаю жутко тосковать по тебе, и это бесспорно хорошая сторона всей этой забавы. Благодаря ей наша любовь не становится заурядной, хотя, откуда мне знать, может быть, мы и без этого сумели бы уберечь ее от серости. Не дали нам попробовать. (...) Как получишь это письмо, будешь знать, что можешь мне писать. Ты прекрасно знаешь, что без тебя меня нету. Знаешь, что только от тебя моя радость, сила, жизнь.

Гая (Ольшинка-Гроховская, 19 декабря 1981):

Я не успела выяснить, где ты, а уже сама оказалась в аналогичном положении. (...) Меня взяли в тот момент, когда я вязала тапочки для тебя и Мачека. Ты, наверное, не знаешь, что о покупке тапочек и мечтать не приходится. Оставила спицы и шерсть, а все просьбы и обязанности передала Эве [сестре]. (...)

Яцек, любимый мой, не тревожься обо мне. Здесь легче переждать тяжелые времена — ручаюсь тебе. Я вздохнула с облегчением, когда оказалась в камере. Чувство ответственности меня страшно угнетало, ты сам прекрасно знаешь это состояние.

Яцек (14 января 1982):

Только что получил первую твою открытку — от 19 декабря. Ты прекрасно знаешь, какая это радость, как мне теперь хорошо, красочно, трогательно, весело и печально... Ты знаешь. Тапочки, которые ты вязала, когда за тобой пришли, теперь у меня в камере. Из истории твоей открытки, то есть ее месячного путешествия, содержащей едва лишь два десятка слов, следует сделать вывод, что ты нескоро прочитаешь то, что я тебе сейчас пишу, ну и чем короче буду писать, тем лучше. Такое множество страшно разных вещей хотел бы тебе рассказать, как же так — писать коротко?

Яцек (17 января 1982):

Любить людей можно только тогда, когда любишь того (прости, в этом месте изменю род) — ту единственную. Я глубже всего на свете убежден, что это так. Нужна великая любовь, чтобы любить себя и людей или, если кто предпочитает, потому что это все одно и то же: людей и себя. Только в этой единственной любви можно воистину переживать весь мир как полностью общий с другим человеком. Благодаря этому можно с ним полностью отождествляться, противостоять ему и преодолевать это противостояние на все более высоком уровне.

Гая (Голдап, 31 января 1982):

Не бойся, милый, повторяющихся слов, банальностей, стереотипов. Каждое твое слово я переживаю заново каждый день. Читаю уже знакомое письмо и радуюсь настроению, теплой мелодии, горячим желаниям, которые чувствую за каждым словом, и каждый день чувствую иначе. Иногда, читая, смотрю фильм. Слышу, ощущаю, вижу, как ты со мной говоришь, как горят у тебя глаза, как ты меня обнимаешь. И лишь бы тогда не почувствовать внезапно пустоты, лишь бы позволить продолжаться иллюзии и мягко растаять. Мне случается плакать читая, но плачу я от счастья. Знаю, что прожила с тобой чудесный кусок жизни, и это дает мне силы жить и ждать того, что еще случится.

Гая (Дарлувек, 10 марта 1982):

Какая разница, в Ольшинке я, Голдапе или Дарлувеке? Еще трудней было бы дома, где все наше, но без тебя. Потому-то — правду говоря — я никогда никуда не хотела поехать одна. По своей воле расставаться с тобой? Жизнь и не так не скупится на вынужденные разлуки, прибавлять к этому еще одну — не может быть и речи. Скажи, ты не любил уезжать от меня? Я так ждала каждый день твоего слова, твоего возвращения. И снова, и снова мы ждем друг друга. Просто трудно поверить, что можно чувствовать себя таким счастливым и по своей воле готовить себе такую участь. Я тебе благодарна, мой единственный, за такую нелегкую жизнь. Ты научил меня жить, равняясь на свои мечты, и найти в этом долг и счастье. Так не хочется стыдиться перед тобой и перед собой, и так хочется заслужить твоего признания, быть твоей радостью.

Яцек (ксива, 28 апреля 1982):

Ну, однако хватит веселиться, теперь я должен немного на тебя поворчать — и все на ту же тему: откуда этот тон тяжелых забот в твоих письмах? Как будто ты пишешь из Освенцима. Пишешь, что всем вам так страшно тяжело — почему? (...) Что вас так, дорогие девушки, гнетет? Я и правда спрашиваю со всей серьезностью и не понимаю. В приличных условиях, с высоким жизненным уровнем, у человека, наконец, есть время, чтобы использовать серое вещество спокойно, и — тут же драма! (...) Попробую понять, что это такое — какая-нибудь эпидемия? У меня есть несколько идей на основе самой переписки.

Начнем с того, что твое письмо всё в настроении «вот-вот выхожу на свободу» (...). Это, конечно, психологическое самоубийство. Если бы я себе хоть когда-нибудь позволил такие мысли, то уже несколько лет назад пошел бы лечиться в закрытое заведение. Ни в коем, совершенно ни в коем случае нельзя переживать свое освобождение. Нельзя!!! Это вовсе не значит, что ты должна настроиться на вечное сидение. Наоборот, как говорят воры: только посадить тебя не были обязаны, а выпустить придется. Ну а раз это у тебя как в швейцарском банке, то не ломай голову. Конкретно мыслить ты должна в категориях: что ты прочитаешь, напишешь, сделаешь — сейчас, послезавтра, в четверг... но тут железный принцип! Не ждать!

Гая (ксива, 15 июня 1982):

Наверное завтра я бежала бы на дополнительное свидание в Бялоленку, но тут палочки Коха или другие еще не опознанные вирусы загородили дороги, баррикады, засеки. Все произошло чрезвычайно быстро, и, к своему удивлению, я приземлилась на больничной койке с капельницей в вене, и завтра будет уже неделя. (...) Марека [Эдельмана] беспокоил мой кашель, и для очистки совести он поставил [меня] перед рентгеном (...) Вдруг все закрутилось, врача-рентгенолог сочла, что снимок испорчен, сделала следующий, потом еще два, и не было мне спасения. У меня двустороннее воспаление легких с отеками на обеих долях, со сращениями (продолжающимися, видимо, уже 3-4 месяца) на фоне вирусной или туберкулезной инфекции. (...)

Теперь я понимаю, что та слабость, с которой я боролась и которую не могла принять в Дарлувеке (а началось с этапа Голдап—Дарлувек), это была болезнь, которую тамошний врач не лечил, потому что не соизволил взять стетоскоп в руки, хотя я сама ему говорила, что чувствую себя как во время воспаления легких. Теперь придется лежать около полугода; может, удастся перемежить пребывание в больнице поездкой в деревню или же в санаторий. Одно ясно: от этого не умирают. Так что не тревожься!

Яцек (ксива, 7-8 июля 1982):

Потому что когда тебе больно, когда ты страдаешь, то плевать мне на отечество, на все идеи. Не хочу, не хочу, не хочу... А ведь тебе всегда больно, когда меня нет. Правда? Страшно этого хочу и боюсь. (...) Ну и что я, черт побери, должен делать? [Власти предложили Куроню выехать с женой на Запад.] Я подписал бы сотрудничество с ГБ, но ведь этим тебе принес бы несчастье. Может, ты бы меня даже вышвырнула. Девушки предпочитают

уланов, а не бухгалтеров... и что мне, маленькому пёсику, с этим делать. Я не родился Дон Кихотом, нет уже ветряных мельниц, а я (...) пытаюсь бороться с драконами.

***Яцек** (ксива, июль 1982):*

Признаюсь тебе, но, пожалуйста, отнесись к этому как... — запутался и теперь уже должен закончить. Речь идет о том, что я не могу тебя пережить — ибо как же жить без смысла. Прости эти бредни (...) ты лежишь у Эдельмана под капельницей, а я вместо одной только радости и хорошего настроения посылаю тебе какие-то бредни о смерти. (...) Я в тебя безумно, по-сумасшедшему влюблен и (...) каждое слово к тебе переживаю как *sacrum*. Поэтому, когда я это пишу, то загоняю себя в такое состояние напряжения, а результат ты как раз читаешь. Прости. (...)

Какой странный, прекрасный и нелегкий мир нашей любви. Подумай, как будто все было против нас, а ведь это наше счастье, по-настоящему великое счастье. (...) Что подумают наши внуки — ведь какие-то внуки нам достанутся, — если случайно найдут в старых бумагах это письмо? Сочувствовать нам будут или завидовать? Поймут ли они вообще что-то из всего этого? (...)

Теперь, пожалуй, пришла пора спокойной старости в нашем Бореке. О, проклятье, как страшно я хотел бы там быть с тобой и чтобы наплевать на городскую связь и другие проблемы общего порядка.

***Гая** (ксива, 13 июля 1982):*

Чудесный мой, замечательный мой, единственный мой. Ты один-единственный во всем мире. Я тут с ума схожу от тоски, а ты велишь мне тебя бросить и заранее раздраешь душу и примериваешься к роли брошенного. Ничего не выйдет, Яцек, ничего не выйдет. (...)

***Яцек** (ксива, 13 августа 1982):*

Вместо ежедневного дневника тебе пишу теперь книгу. Пишу ее все время, сознавая, что это мой разговор с тобой. Начну, однако, с самого главного: в августе получил дополнительное свидание с тобой. Приезжай в любую среду или субботу. (...) Пишешь: ты поставил меня в центре мира. Это правда. (...) Это всё, это наша правда о мире. Так, как мой трактат о любви был о нашей любви. В книге, которая только для тебя, я хочу сделать из нашей правды — правду для всех. На этом основано все мое писание. Открыть миру нашу любовь. И наоборот — заключить весь мир в нашей любви, потому что он — только для тебя.

***Гая** (ксива, 2 сентября 1982):*

Ты такой замечательный, такой чудесный — и из-за этого прямо ненастоящий. Иногда, когда я испытываю потребность говорить о тебе, я отдаю себе отчет в том, что далеко не способна уловить самое важное. (...) Я знаю, Яцек, какой это огромный дар — уверенность в самом близком человеке. У меня эта уверенность есть — знаю, что ты меня любишь, что я для тебя важнее всего, что в любых обстоятельствах ты поведешь себя как можно более мужественно. Пусть бы и у тебя была такая уверенность — я очень этого хочу, насколько легче тогда переносить разлуку, проходящее друг без друга время, найти силы для спокойствия. Жаль, что я не умею колдовать — заклала бы тебя в таком ощущении счастья, в каком ты меня заклал.

***Яцек** (Варшава, следственная тюрьма на Раковецкой, 5 сентября 1982):*

Ну вот и сижу себе в обычном следственном изоляторе. Здесь за десять лет ничего не изменилось. Возвращаюсь сюда время от времени словно к началу пути. Это имеет глубокий смысл — позволяет посмотреть на самого себя. Редко кому дается такая возможность самооценки — или даже принудительность. Снова всё так, как 17 с лишним лет назад, все такое же, только я все-таки уже другой, а то, что между нами, еще прекраснее, больше и солнечней. Чудо. Думаю, что по ряду самых разных соображений мои нынешние обстоятельства лучше, чем те полууголовные отсидки. Конечно, ubyло несколько мелких удобств и прибавилось несколько еще более мелких неудобств. Ну и некоторое время мы не будем видаться ни минуты. Собственно говоря, это только и считается, а впрочем, и это не считается, потому что этот час ничего не мог бы ни заменить, ни выровнять. И так наша жизнь — в нас и перед нами.

***Гая** (больница в Лодзи, 27 сентября 1982):*

Испытываю потребность говорить о тебе, а когда это делаю, отдаю себе отчет в том, что мне плохо удастся уловить существенное, самое важное, и тогда то, что я говорю, выглядит панегириком и может отпугнуть

впечатлительного слушателя. Поэтому я часто отказываюсь от этих попыток, а себя заставляю найти ответ на вопрос, чем ты отличаешься от всех других известных мне людей. Одно знаю твердо: никого не знаю, кто относился бы к жизни с равным твоему чувством нравственной ответственности за себя и свой мир. И такого я тебя люблю, и такого дождусь. Помни, мой милый, хоть бы мне было тяжело и печально — я всегда способна найти радость и силу в тебе. Поэтому не тревожься: выздоровею и уже буду, живя нормально дома, ждать тебя. Когда это наступит, не знаю, моя болезнь сопротивляется лечению, но в конце концов черти ее унесут.

Гая (21 октября 1982):

Знаю, что наша жизнь в нас и перед нами. Мы уже столько раз ждали друг друга, столько раз дожидались, и всегда было и есть все прекрасней, зрелее, полней. Видно, это ожидание — наш великий шанс, и, пожалуй, мы с ним справляемся. У меня во всяком случае такое чувство, что я прожила счастливо огромный кусок жизни, и, глядя назад, я просто побоялась бы что-то менять, разве что подвергла бы себя более сильной обработке. (...)

Любопытство во мне огромное: что перед нами? — а это значит, мой милый, что я здоровею и набираю разбег для нового этапа. До сих пор (разумеется, во время этой болезни) я жила прошлым, все время обернувшись за свою, за нашу спину. Теперь пробуждается тревога, любопытство о будущем, желание попробовать вкус жизни.

Гая (8 ноября 1982):

Яцек мой единственный, добрый день. Целую твои самые любимые в мире глаза, улыбаюсь тебе. Ничуть обо мне не беспокойся, я медленно-медленно здоровею и, ручаюсь, когда мы будем вместе, буду уже совсем здорова. Может, останутся мелкие неприятности, такие, как невозможность ходить по горам, лыжные забавы или вообще усилия побольше — но это нас будет огорчать, когда придет соответствующее время, ни в коем случае не про запас. (...)

Чем дольше мы вместе, Яцек, тем интенсивней воспринимаем счастье нашей общности, тем больше страх не растратить, не уронить ни минуты, не разминуться. Помогла нам в этом жизнь, судьба, которую мы себе выбрали; благодаря сумасшедшему темпу, постоянным разлукам или опасностям каждая минута вместе приобрела значение, смысл, краски. И мы ждем друг друга, уверенные, что будет еще прекраснее, еще интенсивнее, еще безопаснее.

Яцек (21 ноября 1982):

Добрый день, моя святейшая девочка. Боже мой сладкий. (...) В этом шестом письме что-то ты, доченька дорогая, напутала. Сначала пишешь, что здоровеешь медленно, но систематично. Затем, что этого твоего выздоравливания не учитывает просвечивание, которое «и не дрогнет». А потом — что на основе просвечивания разные коллеги Марека опасались, что ты умрешь (тебе об этом сказал Марек). В первое мгновение я думал, что меня парализует от страха. Однако осознал, что если бы так было, как у тебя написано, Марек сказал бы тебе, что судя по твоей «картинке» — ты умрешь. А этого он сказать не мог. Ерго, что-то ты, любимая моя, в этом письме перепутала — слава Богу. Только, солнышко мое расчудесное, не огорчись тем, что ты меня перепугала. Как видишь, это я уже себе объяснил, а тот факт, что Марек рассказывает тебе, что было, прежде чем «опасность миновала», уже утешил меня на долгие зимние вечера. (...)

Но прежде всего я тебя люблю. Это невозможно описать или даже назвать, это со мной каждое мгновение, в каждом дыхании — и тогда, когда бывает мрачно, а мрачно бывает, и тогда, даже в первую очередь тогда, когда солнечно. Потому что благодаря тебе солнце светит даже в пасмурные дни. Пока. Я.

Этого письма Гражина Куронь уже не прочитала. 22 ноября Яцека перевезли из тюрьмы в больницу в Лодзи, где лежала Гая. Они провели вместе целый день, но вечером Яцека забрали в тюрьму. Гая умерла в ночь на 23 ноября 1982 года. «Я лежал на койке и молился. Чувствовал, как тяжело Гайке дышать и просил Господа Бога позволить мне дышать с нею. И Бог меня услышал, я это чувствовал. Я старался набирать как можно больше воздуха, но было все хуже и хуже. А потом все перестало у меня болеть. Это был тот час, в который моя Гайка умерла» (Яцек Куронь, «Будь спок, или Квадратура круга», Варшава, 1992).

Выбрали и подготовили к печати Моника Капа-Тихоцкая и Катажина Пухальская

4: КТО РАССТРЕЛИВАЛ БЕЛОРУССКИХ ПАРТИЗАН?

Чтение текста Станислава Куняева "Кто расстреливал белорусских партизан?", опубликованного в журнале "Наш современник" (2004, №12) ошеломило меня. Степень исторического невежества автора в области, которую он затрагивает - дезориентируя при этом русского читателя - просто поразительна. Общий тезис, который он выдвигает в своей полемике с польскими авторами - прежде всего со статьей Петра Мицнера "Интернированные союзники" ("Новая Польша", 2004, №2), сводится к утверждению, что репрессии против бойцов Армии Крайовой, проводившиеся советскими органами безопасности, вступавшими в 1944 г. на земли Второй Речи Посполитой, были по сути дела вполне обоснованными, так как эти бойцы не были "союзниками и товарищами по оружию" антигитлеровской коалиции, но "сотрудничали" с немцами. Это "сотрудничество" заключалось якобы в том, что партизаны АК вступали с немцами в договоренности, направленные против Советского Союза - который, как мы помним, в июне 1941 г., после нападения на него армий Третьего Рейха, внезапно перестал быть союзником Гитлера (в понимании международного права) и агрессором по отношению к Польше и превратился в участника антигитлеровской коалиции. Спор о числе репрессированных польских партизан и количестве среди них генералов становится в этот момент второстепенным. В своих рассуждениях г-н Куняев ссылается на краткую анонимную заметку из немецкого еженедельника "Шпигель" (2000, №19), в которой сжато изложено сообщение немецкого историка Бернгарда Кьяри, опубликованное в журнале "Остойропа" и касающееся, в частности, польско-германско-советских отношений на довоенных польских восточных землях. Как следует из заметки в "Шпигеле", "согласно документам, обнаруженным в одном из московских архивов" (!), подчинявшаяся польскому эмигрантскому правительству в Лондоне Армия Крайова, сражаясь на оккупированных территориях с немцами, эпизодически вступала в сотрудничество с подразделениями СС и Вермахта - во имя борьбы против большевизма.

Однако важнее самой заметки из "Шпигеля" стал комментарий к ней, написанный г-ном Куняевым. Он пишет о многочисленных документах, находящихся в российских архивах и касающихся этих противоречивых польско-немецко-советских отношений. Г-н Куняев заявляет, что лишь теперь понял, почему о польских военнопленных в СССР, захваченных в 1944-1945 гг., т.е. бойцах Армии Крайовой, поляки до сих пор "молчали". В соответствии с его истолкованием, польские историки не хотели выявлять правду о бойцах АК, которым Сталин определил заслуженное наказание за коллаборационизм с немцами, а советские историки молчали, чтобы "не разрушать "единство социалистического лагеря"".

Трудно представить себе, что такие мысли может высказывать человек, живший во времена "реального социализма" в пределах "социалистического лагеря", где вообще не могло идти речи о независимых научных исследованиях в области новейшей истории. Гораздо существеннее то, что если бы г-н Куняев действительно интересовался сложной проблематикой польско-немецко-советских отношений во время II Мировой войны, ему не пришлось бы в качестве главного аргумента использовать заметку из "Шпигеля" (содержания которой он, по-видимому, несмотря на ее краткость, просто не понял). После 1989 г. в Польше, Белоруссии и Литве появился ряд публикаций, посвященных различным аспектам деятельности Армии Крайовой. Первую монографию об истории Виленского округа АК написал историк из Вильнюса Ярослав Волконовский (этот автор значительное место уделяет польско-немецким переговорам с участием полковника Кшижановского). Сообщали о них и польские историки Петр Нивинский и Лонгин Томашевский в своих работах, посвященных действиям Армии Крайовой в Виленском крае. Конфликту между отрядами АК и советскими партизанами на территории сегодняшней Белоруссии посвящена и книга историка из Минска Сигизмунда Бородина ("Неман - река раздора. Польско-советская партизанская война в 1943-1944 гг.", Варшава, 1999, по-польски). Отношения между Армией Крайовой, советскими партизанами и немцами на этой территории рассматриваются в нескольких главах монографии автора этой заметки ("На Новогрудской земле: „НУВ" - Новогрудский округ АК", Варшава, 1997, по-польски). В этой последней работе были опубликованы важные документы, относящиеся к польско-немецким отношениям. Таким образом, о теме, вызвавшей такое возмущение г-на Куняева, уже давно не "молчат", а основные сведения и материалы годами используются в научной литературе. Уже в середине 90-х эту тему чрезвычайно объективно осветили белорусские историки и архивисты Александр Хацкевич и Григорий Бялкевич. Если же г-н Куняев предпочитает пользоваться литературой на немецком языке, то следовало бы проинформировать его, что три года назад появилась коллективная монография под редакцией столь уважаемого им Бернгарда Кьяри "Польская Армия Крайова. История и миф Армии Крайовой со времени II Мировой войны" (Мюнхен, 2003, по-немецки), где Петр Нивинский, Сигизмунд Бородин и автор этих строк уделяют значительное внимание нескольким единичным случаям кратковременных переговоров между некоторыми отрядами АК и немцами. Из тщательного анализа документального материала следует, что эти переговоры были начаты по инициативе немецкой стороны, однако не привели ни к заключению каких бы то ни было соглашений, ни к "коллаборации" между АК и немцами. По данным белорусских историков А.Хацкевича и Г.Бялкевича, опубликованных ими в 1995 г., в июне 1944 г. немецкие разведслужбы в рапорте, направленном в штаб Группы армий "Центр", сообщали: "В результате тщательного анализа сложившейся ситуации можно прийти к заключению, что заключение договоренностей с польскими бандами принесет Вермахту больше вреда, чем пользы, которую мы извлекали до настоящего времени из их действий". Известен случай, когда офицер АК,

принявший немецкое предложение о проведении переговоров, был приговорен трибуналом АК к смертной казни. Что касается переговоров, которые велись полковником Кшижановским, то следует подчеркнуть, что из-за содержания польских требований: прекратить военные действия и карательные операции и освободить пленных - они ничем не закончились. Якобы выраженная поляками "готовность оказать... помощь Гитлеру", о которой вслед за "Шпигелем" пишет г-н Куняев, - это не что иное, как немецкие ожидания, которые так никогда и не сбылись. Упомянутые эпизоды польско-немецких переговоров, фактически касающиеся горстки бойцов АК, не имели никакого значения для боевых действий АК в целом - Армия Крайова в то время была военной организацией, насчитывающей более 400 тысяч бойцов. В 1944 г. в партизанских отрядах АК в рамках операции "Буря", проводившейся на востоке Польши, с оружием в руках против немцев сражалось более ста тысяч человек, а в Варшавском восстании - около 50 тысяч. Впоследствии почти все уцелевшие были разоружены Красной Армией. Многих из них отправили в лагеря вглубь России или подвергли иным репрессиям. Чрезвычайно важно, чтобы российские читатели знали, что летом 1944 г. перед лицом решительной позиции, занятой западными союзниками, даже гитлеровская Германия соблюдала права бойцов АК как солдат действующей армии, наделяя их статусом военнопленных, тогда как в СССР вопреки международному праву к ним относились как к уголовным преступникам.

Совсем необязательно искать ответ на вопрос, кто несет ответственность за кровавый конфликт между советскими партизанами и Армией Крайовой, в журнале "Шпигель". Его можно найти в российских архивах, в директивах политического руководства советского партизанского движения. 22 июня 1943 г. ЦК КП(б) Белоруссии разослал всем подпольным центрам закрытое письмо ("О военно-политических задачах работы в западных областях БССР"), в котором предлагалось всеми средствами вести борьбу с польскими националистическими отрядами и группами (а именно так большевики рассматривали отряды АК). И действительно, использовались все средства - от вероломного разоружения тех отрядов АК, у которых были заключены официальные договоренности о сотрудничестве с советскими партизанами (партизанская бригада АК под командованием "Кмицица" на озере Нарочь в августе 1943 г., Столпецкая группировка АК в Налибоцкой пуще в декабре 1943 г.), засады и нападения на отряды АК, внедрение агентов и ликвидация подпольных структур АК, анонимные доносы немцам на членов АК, применение массового террора по отношению к населению, поддерживающему АК (например, карательная операция в городке Налибоки в мае 1943 г., а также в деревнях: Конюхи - в январе, Лугомовичи, Изабелин, Качаново, Бабинск, Провжалы - в феврале, Щепки и Невонянцы - в апреле, Камень - в мае 1944 г.).

Упоминавшийся выше белорусский историк Сигизмунд Бородин так оценивает характер и причины польско-советского вооруженного конфликта на территории сегодняшней Белоруссии: "Вина за развязывание конфликта между АК и советским партизанским движением в Новогрудском районе лежит на последнем. Именно оно выполняло директивы руководства СССР, направленные на то, чтобы как можно быстрее ликвидировать Армию Крайову на восточных территориях, принадлежавших до войны Польше (...) как силу, которая могла противостоять агрессивным планам СССР. (...) Нетрудно заметить, что обострение польско-советского конфликта в Новогрудском регионе тесно связано с этапами "решения польского вопроса" руководством Советского Союза. (...) Переход к прямым военным действиям (...) произошел в тот момент, когда Москва знала, что США и Великобритания готовы согласиться, чтобы Польша вошла в сферу советских интересов. (...) Таким образом, действия Барановичской группировки советских партизан против АК не были реакцией местного советского командования, но выполнением директив руководства СССР по "польскому вопросу".

Беда в том, что г-н Куняев не желает опираться ни на советские архивные материалы, ни на какую-либо серьезную научную литературу, а свой образ польско-немецко-советских отношений основывает главным образом на лозунгах прежней коммунистической пропаганды, правильность которых призвана подтвердить малюсенькая заметка из "Шпигеля" (трудно ожидать, чтобы не разбирающийся в том или ином вопросе читатель формировал свои взгляды на основе обсуждения анонимной заметки, содержащей менее 20 фраз, - однако г-ну Куняеву этого оказывается совершенно достаточно).

Куняев в своем тексте передергивает факты не только в принципиальных вопросах, но и в мелочах. Стоит обратить внимание на два снимка, иллюстрирующие заметку в "Шпигеле". На одном из них мы видим командующего Виленским округом АК подполковника Александра Кшижановского (подпольная кличка "генерал Волк") в довоенной форме Войска Польского, а на другом - группу людей в военной форме с трудноразличимыми знаками отличия, расстреливающих нескольких стоящих на коленях гражданских лиц. Общая подпись гласит: "Казнь во время II Мировой войны". В своем комментарии Куняев безапелляционно утверждает, что это "белопольские" партизаны (т.е. бойцы АК) расстреливают "белорусских партизан", а награда на груди у подполковника Кшижановского - это якобы немецкий "железный крест". В действительности же на груди у офицера мы видим польскую военную награду - крест "За отвагу", который он получил за мужество, проявленное в войне с большевиками в 1919-1920 гг., а вовсе не немецкий "железный крест"! Что в

действительности показано на втором снимке - сказать трудно из-за неразличимости самой принадлежности военной формы. Можно полагать, что в польско-советском партизанском конфликте на территории теперешней Белоруссии погибло около тысячи советских партизан. Однако в несколько раз больше людей в масштабе всей Белоруссии было расстреляно "спецотрядами" советских партизанских бригад (представлявших собой ячейки НКВД и НКГБ) в рамках "чистки" своих рядов от "ненадежных элементов". Быть может, именно это обстоятельство и представляет собой частичный ответ на вопрос, заданный г-ном Куняевым? Русские читатели должны также знать, что гораздо чаще, чем большевики, перед дулами винтовок польских партизан оказывались гитлеровцы, виновные в преступлениях против гражданского населения.

Казимеж Краевский - историк, научный сотрудник Института национальной памяти.